

Czas w kulturze rosyjskiej Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Czas w kulturze rosyjskiej
Время в русской культуре

Seria Antropologia Kultury Rosyjskiej
pod red. Andrzeja Dudka

Dotychczas ukazały się:

Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство, pod redakcją Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka, Kraków 2015

Katarzyna Anna Duda, *Szkice o prozie rosyjskiej XXI wieku. Ulicka, Szyszkina, Pilewin, Minajew, Sienczyn, Kuricyn, Starobiniec...*, Kraków 2017

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Kraków 2019

© Copyright by individual authors, 2019

Recenzenci:

prof. dr hab. Tereza Obolevich (SBDNP)

prof. dr hab. Anna Woźniak

prof. dr hab. Joachim Diec

prof. dr hab. Zbigniew Greń

Redakcja

Helena Piecuch, Magdalena Romanowska

Koncepcja okładki

Marta Dudek

Opracowanie graficzne

Paweł Sepielak

ISBN 978-83-8138-138-3

DOI <https://doi.org/10.12797/9788381381383>

Publikacja dofinansowana przez Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych
Uniwersytetu Jagiellońskiego

KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel./faks: 12 431 27 43, 12 421 13 87

e-mail: akademicka@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: www.akademicka.pl

Spis treści. Содержание

Andrzej Dudek , Czas w kulturze rosyjskiej. Uwagi wstępne.....	9
---	---

CZAS W JĘZYKU. JĘZYK W CZASIE ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ. ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

Ewa Komorowska , Frazeologizmy z wykładnikiem <i>время</i> w języku rosyjskim.....	23
Алла Лихачева , Фактор времени в современном российском городском номинативном дизайне.....	41

SAKRALNE I MITOLOGICZNE RYTMY CZASU САКРАЛЬНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РИТМЫ ВРЕМЕНИ

Елена Левкиевская , Время земное и время мифологическое в русских мифологических нарративах.....	55
Hanna Kowalska-Stus , Пространственное восприятие времени в кругу византийской культуры.....	65
Józef Kuffel , Aspekty temporalne w <i>Żywocie św. Kiryła Biełozierskiego</i>	77
Anna Kościółek , Пост в жизни и творчестве Андрея Муравьева	89
Наталья Мариевская , Историческое и сакральное время в структуре современного российского фильма. Звягинцев – Сокуров – Балабанов	101
Małgorzata Abassy , Człowiek w czasie i czas w człowieku. Fenomen czasu w ujęciu Jewdokiji Marczenko – „Radasteja”	115

KONCEPTUALIZACJE CZASU W ROSYJSKIEJ MYŚLI TEOLOGICZNEJ I FILOZOFICZNEJ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Dymitr Romanowski , Александр Шмеман. <i>Sub specie aeternitatis</i>	133
Виктор Троицкий , Энантиодромия как обобщенная форма времени в русской культуре Серебряного века.....	149

Оксана Седых , Миг и вечность как антиномия: П.А. Флоренский и культура Серебряного века.....	157
Елена Тахо-Годи , Проблема времени в художественной прозе А.Ф. Лосева	171
Leszek Augustyn , Kultura transcendencji: czas egzystencjalny w ujęciu Mikołaja Bierdiajewa	181
Marta Lechowska , Маскарад как бегство от самого себя. Рассуждения Федора Степуна о человеке, времени и вечности	195
Roman Mnich , Проблема времени в философском литературоведении Дмитрия Чижевского	203

KULTUROZNAWCZE I HISTORYCZNE KONCEPTUALIZACJE CZASU КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Ирина Колесник , Категория времени в науке и культуре: рефлексии историка	217
Ирина Едошина , Эпоха <i>fin de siècle</i> : культурфилософские очертания	233
Александр Турыгин , Теория „переломного времени” Райнхарта Козеллека: возможности применения в изучении российской истории XVIII в.	249

CZAS JAKO ASPEKT ŻYCIA SPOŁECZNEGO ВРЕМЯ КАК АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Елена Самойлова , Локальные маркеры времени в традиционной культуре поморов XIX-XX вв.	265
Валентина Верemenko , Ощущение времени в концепте передовой педагогики в России в начале XX века	275
Ирина Синова , Революция 1917 года в России как фактор времени в контексте ретрансляции на повседневную жизнь	287
Алла Сальникова , „До” и „после”: репрезентация времени в детских автобиографических нарративах первого советского десятилетия	297
Татьяна Рюткина , Трансформация понятий „раньше” и „теперь” в народной памяти (по материалам „устной истории”)	307
Ильнара Ханипова , Реалии нового советского времени в деревне татарской АССР и их отражение в национальной литературе 1920-1930-х гг.	317
Kinga Nędza-Sikoniowska , „Czasie, naprzód!” Chronometraż w zakładzie pracy, w radzieckim społeczeństwie, w nowej rodzinie.....	331
Stanisław Fiszer , Концептуализация социального и исторического времени в позднем творчестве Александра Зиновьева	347
Иван Радиков , Проблема баланса потоков политического времени в развитии российского общества	355
Marian Broda , Paradoxy teorii rosyjskiej (nie)współczesności? Iwana Jesaulowa koncepcja mitologicznej dominanty w strukturach postsowieckiej codzienności	367

Anna Kadykało , Забыть Афган? Нет, невозможно. Об эволюции восприятия советско-афганской войны (1979-1989) в общественном сознании россиян и в российском политическом дискурсе	379
--	-----

TEMPORALNE ASPEKTY LITERACKIEGO OBRAZU ŚWIATA ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Василий Щукин , Художественные модели времени в русской литературе XIX века (на материале избранных произведений классиков)	395
Михаил Строганов , Одолеть пространство временем. Время в русском тревелогe XIX века	405
Константин Баршт , Время и Апокалипсис в произведениях Ф.М. Достоевского	413
Magdalena Dąbrowska , Wiersz Michała Murawjowa <i>Noc</i> – tekst i konteksty	433
Елена Созина , Время и место. Феномен восьмидесятилетия и его рефлексии: М.Н. Альбов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов	443
Евгения Строганова , Тюремно-каторжные тексты И.П. Ювачева: особенности восприятия и репрезентации времени	455
Светлана Титаренко , Идея вечного возвращения Фридриха Ницше в поэзии русского символизма	465
Izabella Malej , „Жизнь и смерть в круженье вечном”. О metamorfozach czasu w twórczości Aleksandra Błoka	479
Йозеф Догнал , Роль времени в повести А.М. Ремизова <i>Часы</i>	495
Andrzej Dudek , Между мгновением и вечностью. Временные аспекты картины мира в творчестве Дмитрия Мережковского	505
Iwona Krycka-Michnowska , Wobec przemijania. <i>Jegor Bułyczow i inni</i> Maksyma Gorkiego – próba (re)intepretacji	523
Monika Sidor , Czas historyczny i doświadczenie. Strategia opisu przeszłości w eposie <i>Czerwone Koło</i> Aleksandra Sołżenicyna	535
Kristina Vorontsova , Время как постмодернистская игра в повести Елены Шварц <i>Концерт для рецензий</i> : Гоголь, Довлатов и все-все-все	545
Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak , „Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни”. Метафизика времени в прозе Михаила Шишкина	557
Martyna Kowalska , Хаос времени – время хаоса. Роль и значение времени в современной российской драматургии	573
Bartłomiej Brządkiewicz , Потерянный во времени. Сюжетные сложности современной русской прозы. Выбранные примеры	591

Татьяна Руюткина

Чимкент, Южно-Казахстанский государственный
педагогический университет

Трансформация понятий „раньше” и „теперь” в народной памяти (по материалам „устной истории”)

Transformation of the Concepts of “Earlier Times” and “Present Times”
in People’s Memory (Based On „Oral History”)

Abstract: The article is devoted to the concepts of “earlier times” and “present times” in people’s memory. The research is based on the materials of the oral history. The direct answers to questions specially prepared for this study, memories of the ideas of fathers and grandfathers (oral and recorded) and the unintended use of these concepts in any reasoning and memories are taken into account. All respondents are divided into four groups: 1. “we” is a generation of post-war years of birth until the middle of the 70s, 2. “our fathers” are the generation of 1920s and 40s of birth, 3. “our children” are people younger 1975 birth, 4. “our grandfathers” – people born before the revolution. The article revealed that the main boundary line for the first and partially the second group was the collapse of the Soviet Union, for the second and fourth groups – the Great Patriotic War, the third group is dominated by personal motives (childhood, youth, university studies, etc.). Other answers are also analyzed. The study also revealed that in their “earlier times” people dreamed about the future, nowadays people are mostly afraid of the future and do not want to know anything about it. In general, the study allowed to capture the mentality of the epoch in connection with the perception of time in people’s memory.

Keywords: people’s memory, earlier times, present times, oral history, time perception

Время – это многоплановое и очень сложное понятие, существующее как философская категория, как физическое, астрономическое, биологическое, социальное, историческое, психологическое, культурологическое явление. Однако есть сфера, где эти разные ипостаси времени самым причудливым образом пересекаются. Это личное восприятие времени на уровне менталь-

ности отдельных людей. Людей, подверженных законам физического и биологического времени, и в то же время живущих в социуме, осознающих исторический контекст своей эпохи и одновременно переживающих на бытовом и психологическом уровне личные коллизии, связанные с течением времени. Исследования в относительно новой области устной истории позволяют заглянуть в это ментальное смещение категорий.

Как это ни странно на первый взгляд, к привлечению устной истории автора подтолкнул научный интерес к... медиевистике. Так уж сложилось, что именно эта сфера исторической науки стала своеобразной экспериментальной площадкой, где прежде всего рождались новые подходы к изучению истории. Так у французских историков школы „Анналы”, а вслед за ними у их советского и российского последователя Арона Я. Гуревича возник естественный вопрос о правомерности выводов, сделанных на основе анализа письменных средневековых источников. Итогом этих размышлений у А.Я. Гуревича стала его монография *Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства*¹. Одной из главных идей этой книги является сомнение, можно ли судить о средневековой жизни на основании письменных документов эпохи, если писать умело ничтожное меньшинство населения, отдельные уникамы, а в массе своей средневековый человек никаких свидетельств о себе не оставил. И начались сложные ухищрения исследователей, пытающихся хоть как-то услышать это „безмолвствующее большинство”.

Эти далёкие от современности штудии породили осознание парадокса. Вот сейчас вокруг нас живут люди, чьи ментальные представления можно зафиксировать, не прибегая к изошрённым методам. Просто записать то, что не попадает на бумагу само по себе, пусть и от грамотных носителей. Но, несмотря на развивающийся интерес к устной истории, её распространение явно недостаточно. На наших глазах в стремительном беге времени эти поколения уходят, унося с собой ту же самую ментальность безвозвратно, как и их далёкие предки. На наших глазах забываются и стираются из памяти понятия, представления поколений, зафиксированные лишь опосредованно через литературу, художественное творчество и т. п., либо не зафиксированные вовсе. Мы с горечью осознаём, что, с одной стороны, не успели спросить у дедов о том или этом и ужасаемся, вдруг обнаруживая полное непонимание нашей жизни со стороны детей и внуков, с другой. Т. е. несмотря на развивающийся интерес к устной истории, использование её методов явно требует большего внимания².

¹ А.Я. Гуревич, *Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства*, Москва 1990.

² О развитии методов устной истории см. К.А. Левинсон, *Такая разная устная история*, [в:] *Одиссей: человек в истории. Scripta/Oralia: взаимодействие устной и письменной тради-*

Настоящая статья это попытка зафиксировать представления о времени, о прошлом, настоящем и будущем нынешнего поколения, а также частично отцовско-дедовского поколения на основе воспоминания их детей. Автор рассматривает это исследование исключительно как частный опыт, без претензий на систематизацию, обобщение и т. п.

Это позволило сформировать довольно широкий и относительно случайный круг респондентов (благо, репрезентативность выборки в устной истории не имеет столь решающего значения как в социологии), а также раздвинуть хронологические рамки настолько далеко, насколько только „достала” память отдельных собеседников.

В исследовании учтены представления людей русской культуры, либо тех, для кого русская культура равнозначна с их национальной культурой, как правило (но не исключительно), так или иначе связанных с Южным Казахстаном: живущих там, либо родившихся, переехавших в другие края (страны), но сохранивших с родиной те или иные связи. По этническому происхождению это русские, украинцы, немцы, поляки, евреи, корейцы, татары, азербайджанцы, турки, казахи, узбеки.

Всю своеобразную „источниковую базу” можно разделить по нескольким принципам. Во-первых, это ответы, полученные в личных беседах, и ответы, присланные по интернету желающими откликнуться через социальные сети. Во втором случае откликнувшимся задавались дополнительно уточняющие вопросы для лучшего уяснения их мнения.

Во-вторых, весь материал можно разделить на полученный специально для этого исследования в ходе бесед и накопленный годами, исподволь, когда люди не отвечали на вопросы специально, но в их рассуждениях незримо присутствовали заявленные в нашем исследовании понятия „раньше” и „теперь”. Ко второму типу можно отнести и ряд записанных родственниками воспоминаний их отцов и дедов, использованных в данной статье.

В-третьих, можно выделить мнения, сообщённые непосредственно самими собеседниками-респондентами, а также пересказанные ими представления их родителей и дедов, разумеется, в том виде, как они были поняты и запомнились детям и внукам. В ряде случаев, была возможность сравнить мнения о представлениях одних и тех же людей из их собственных уст и в понимании и передаче их детей, что тоже оказалось довольно любопытным.

Изначально планировался опрос и учёт мнения людей 1985 года рождения и старше. Нижняя возрастная граница не предполагалась заранее, но

по факту получилось вплоть до 80-х годов XIX века, когда были рождены деды некоторых собеседников, о представлениях которых они смогли и захотели рассказать. Неожиданно для автора через социальные сети начали откликаться более молодые люди: 1990-х годов рождения и даже начала двухтысячных. После этого в устных беседах это поколение тоже перестало игнорироваться.

Для удобства анализа получившихся результатов условно разделим представления на „наши” – людей, рождённых в послевоенный период до 1975 года, „отцовские” – людей 1920-40-х годов рождения, „наших детей” – людей моложе 1975 года рождения и „дедовские” – дореволюционного поколения. В основу такого деления ставились не представления теоретической науки о смене поколений, а непосредственно результаты исследования, которые позволяют вычленить именно такие периоды. Группы и, как следствие, количество собранного материала не равны по размеру. По понятным причинам, большую часть сведений дали „мы”, потом „отцы”, потом „дети”, представления „дедов” единичные, но всё-таки насчитывают около двух десятков.

Итак, что такое „раньше” в ментальных представлениях опрошенных людей? Сначала отметим несколько ответов, стоящих особняком и неукладывающихся ни в какие рамки. Трое респондентов, вместо ответов о своём конкретном, лично переживаемом „раньше”, представили рассуждения о философских категориях времени и прочих абстрактных понятиях и вернуть их к более конкретному разговору о собственных переживаниях оказалось невозможным. Один респондент, зачем-то откликнувшись в социальной сети, потом длинно и пространно объяснил, что ощущение времени это очень интимная для него вещь, и он не может поделиться. И двое участников разговора, историков по образованию (в одном случае даже доктор исторических наук), заявили, что для них прошлое это абстрактное профессиональное историческое понятие, которое в обыденной жизни заслоняет какие-то представления, вызванные личным восприятием.

В возрастном отношении в этом вопросе прослеживается довольно чёткая граница, которая выпадает почему-то на 1975 год рождения. Люди старших возрастов всех групп, т. е. „мы”, „отцы”, „деды”, как правило (до 90% случаев), устанавливают социальную, общественную границу между „раньше” и „теперь”, связанную с историей и жизнью страны. „Дети”, с обратной пропорцией, в большинстве случаев, выделяют события личной жизни (начало профессиональной деятельности, поступление в университет) или чаще возрастные периоды (молодость, юность, отрочество, детство). Примерно от четверти до трети собеседников из этой группы не смогли понять заданного вопроса и сформулировать свой ответ, либо ответили, что никог-

да об этом не задумывались. В то же время, среди совсем юных, изначально даже не планировавшихся к опросу и откликнувшихся по собственной инициативе было несколько человек с необычным удивительным ответом. Ребята 1990-х и начала 2000-х годов рождения (возраст 18-28 лет) сказали, что „раньше” для них это „в стране, в которой не посчастливилось родиться”, т. е. в СССР. Из уточняющих вопросов стало ясно, что Советский Союз для них легендарная великая страна, представления о которой сложились частично в семье, но, в основном, с их слов, благодаря книгам, фильмам, музыкальным произведениям, созданным тогда и являющихся, по их мнению, неподражаемыми и неповторимыми шедеврами. В целом, если исходить из того, что рождённым в 1975 году, в 1991-м, в момент исчезновения Советского Союза, было всего 16 лет, а после этого они не сталкивались с потрясениями подобного масштаба, то эта граница преобладания личных мотивов над историческими становится более или менее понятной.

Интересно, что отвечая на вопрос о вехах для их родителей, респонденты моложе 1975 года тоже чаще давали ответ о возрастных периодах („Для мамы «раньше» это её молодость”), что не всегда, или даже, как правило, не совпадало с ответами самих родителей, т. е. „нас”. Вообще, среди этого поколения ответы, связанные с возрастным делением жизни (детство, юность) встречаются редко, о чём будет подробнее сказано ниже. Если называются вехой личные обстоятельства, то это, как правило, не периоды жизни, а конкретные события: неудачное поступление в институт, смерть близких, развод, даже судебная тяжба с соседями. Можно заметить, что всё это грустные печальные события. Вариантов положительной окраски, таких как поступление в университет или его окончание, продвижение по служебной лестнице, наконец, свадьба, рождение детей практически не встретилось. Следует также заметить, что ставят вехой между „раньше” и „теперь” не общественные, а личные обстоятельства люди, недавно, не далее года, пережившие личную драму. Так что, в определённой мере, можно говорить о ситуационном характере их ответов и предположить, что в иное время их ответы могли быть другими.

В возрастной группе „нас” абсолютно преобладает историческая общественная веха – распад СССР. Её называет рубежом между „раньше” и „теперь” абсолютное большинство опрошенных, хотя некоторые добавляют и другие, как бы вторые по значимости события. Этот ответ практически не зависит от оценки самой жизни в СССР в восприятии респондентов. Это веха и для тех, кто оплакивает Советский Союз, и для тех, кто его ругает.

Некоторые собеседники назвали точные даты, причём не имея в виду декабрь 1991 года и сговор в Беловежской пуще. Так одна собеседница назвала

начало перестройки, когда ей, как ей кажется, стало ясно, что это начало конца. Другой собеседник назвал 1993 год и пояснил, что это тот год, когда стало понятно, что „это не страшный сон, это не фильм ужасов, это всё на самом деле произошло с нами, необратимо и ничего хорошего больше не будет”.

В этой возрастной группе проявляется не только различие между мнением „наших детей” и „нас” самих о нашем восприятии. Довольно заметна разница между сформулированным по случаю ответом и разновременными высказываниями, где понятия „раньше” и „теперь” проявляются на подсознательном уровне. Некоторые собеседники во время опроса заявили, что „раньше” это их молодость. Но при уточнении выяснилось, что вкладывают в это понятие они не возрастные особенности: когда здоровье было лучше, ответственности меньше, свободного времени больше, девушки моложе, а либидо выше. Вместо этого, назывались такие вещи, как: была возможность получить квартиру от государства, ездить в пионерлагеря и на курорты, получить бесплатное качественное образование, не беспокоиться за потерю работы. Иными словами, фактически люди имеют в виду тот же СССР. Что касается высказываний на подсознательном уровне в беседах, разговорах, то это всегда социальная общественная веха – в Советском Союзе и после его распада.

В этой же группе автору исследования пришлось столкнуться ещё с неожиданным моментом. Поскольку значительная часть респондентов это люди, жившие когда-то в Южном Казахстане и вынужденные уехать после распада СССР, не всегда, даже редко, при благоприятных для них обстоятельствах, чаще с большими материальными и морально-нравственными потерями, поскольку их комментарии в социальных сетях по поводу покинутой родины по сей день полны, как минимум, ностальгии, а как максимум, стенаний и проклятий в адрес тех, кого они считают виновниками своего отъезда, ожидалось, что частым вариантом вехи между „раньше” и „теперь” будет отъезд. Однако такого ответа не дал ни один человек. Полагать, что люди успели смириться со своей судьбой, и острота восприятия для них пропала, не приходится в силу уже упомянутого поведения в соцсетях при появлении любой картинки, любого слова об их родине. Возможно, отчасти это опять тот же разрыв между тем, что люди чувствуют и проявляют бессознательно, и что говорят, когда пытаются это сформулировать. Возможно также, что понятие „распад СССР” просто включает для них множество всяких бед, в том числе и отъезд.

Интересно перечислить другие вехи, которые люди называли значимыми между „раньше” и „теперь”. Это смерть Брежнева и полёт Гагарина. В первом случае было пояснено, что тогда было чувство того, что кончилось что-

то важное, доброе и стабильное. Во втором случае – респонденту верилось, что начинается принципиально иная техническая эра научного всемогущества человека.

Мнения людей, рождённых в 1920-40-е годы, отличаются большим разнообразием. Здесь несколько больше личных мотивов для деления на „раньше” и „теперь”. Люди называли рубежом выход на пенсию, границу между молодостью и старостью, замужество, рождение детей, переезд. Но, справедливости ради, надо отметить, что ответы о личных мотивах, как правило, дали не сами „отцы”, а их дети, т.е. представители нашего поколения (Например: „Мама всегда говорила, что раньше, это в родительском доме до замужества”, или: „Отец говорил, что раньше это пока он работал, до выхода на пенсию”). Вполне возможно, что сами „отцы” дали бы другие ответы. Но как бы то ни было, социальные, общественные мотивы в этой группе также явно преобладают. Как среди тех, с кем довелось поговорить, так и среди тех, о ком рассказали их дети. Наиболее частой вехой, разделившей жизнь на „раньше” и „теперь”, в этой группе была Великая Отечественная война. Любые рассказы и воспоминания сопровождаются уточнением – до войны или после войны. Для людей, умерших до начала XXI века, эта веха так и осталась главной, а часто единственной. Для тех, кто дожил до наших дней, постепенный распад Советского Союза не то, чтобы вытеснил, но как-то заслонил предыдущую веху. Для них „раньше” и „теперь” стало проявляться в зависимости от ситуации: то до войны – после войны, то в СССР – после распада СССР.

Среди других „социальных” ответов для обозначения „раньше” в этой группе встречается некое абстрактное понятие „легендарного времени”, депортация (для азербайджанцев, турок, корейцев), неоднократно – смерть Сталина.

Самым сомнительным с научной точки зрения является изучение представлений поколения „дедов”, так как, по понятным причинам, оно исключительно опосредованное, на основе пересказанного детьми и внуками, за исключением, разве что нескольких случаев прочитанных записей, сделанных в своё время родственниками со слов стариков. Но, с точки зрения устной истории, эти сведения как раз самые ценные, потому что они находятся под угрозой полного исчезновения. Поэтому существует острая необходимость сохранить их в любой форме, пусть и в виде пересказов и семейных преданий. По воспоминаниям детей и внуков, для поколения „дедов”, т.е. людей дореволюционных лет рождения, главной вехой также была Великая Отечественная война. Несколько человек вспомнили, что их бабушки и дедушки упоминали также понятие „до революции” или чаще – „при царе”. Видимо, как и в предыдущем случае, некогда эта веха была главной,

но со временем вытеснилась более свежими событиями – войной с фашистской Германией. Среди других „социальных” событий, важных для поколения „дедов”, названы раскулачивание („когда забрали землю”), депортация, Первая мировая война. Личные вехи для этой возрастной группы названы не были.

Таким образом, мы рассмотрели восприятие понятий „раньше” и „теперь” представителями разных поколений. Но эти категории невозможно отделить от понятия „потом”, ибо любой человек вспоминает, добром ли, недобром, то, что было „раньше”, анализирует своё „теперь” и, конечно, задумывается о том, что будет „потом”. Исходя из этого всем собеседникам задавался также вопрос, мечтали ли они (их отцы и деды) в своём „раньше” о будущем, о чём именно мечтали, каким представляли это будущее, хотели ли его увидеть и приблизить, а также мечтают ли о будущем сейчас и хотят ли его увидеть.

В этом вопросе весьма близки позиции трёх поколений: „нас”, „наших детей” и „отцов”. Сведения о представлениях „дедов” скудны и несколько отличаются. Поскольку среди них было немало верующих людей, будущее они воспринимали, как запомнилось их внукам, с религиозной точки зрения – ждали конца света. Но чаще встречается ответ, что бабушки и дедушки смотрели на будущее оптимистично, но приземлённо: ждали, что их дети и внуки будут образованнее, сытнее, лучше одеты. И поскольку это, в общем-то, оправдывалось, то радовались прогрессу, хотя, на всякий случай (это подмечают буквально все) делали „стратегические военные запасы”: запасали спички, мыло, соль, сахар, материю и пр. Т. е. это был такой осторожный, с оглядкой, порождённый жизненным опытом, оптимизм. Единственный респондент сообщил, что его дед и бабушка верили в коммунизм.

Такие бытовые „маленькие” мечты о будущем отчасти характерны и для поколения „отцов”. Но здесь уже встречаются и великие мечты, которые абсолютно преобладают в поколении „нас” и, в несколько изменённом виде „наших детей”. Интересно, что при той колоссальной пропаганде светлого коммунистического будущего, которая проводилась в советское время, людей, которые заявили бы, что они мечтали о коммунизме, встретилось всего трое. Подавляющее большинство представляло будущее как технический прогресс и, прежде всего, полёты к иным мирам. Причём и молодое поколение имеет в виду чаще всего тоже освоение космоса. Но у молодёжи уже встречаются и другие понятия, связанные с компьютерными технологиями. Объективно эти высказанные мнения подтверждаются невероятной популярностью фантастической литературы в 60-80-е годы XX столетия. Книжки с научной фантастикой невозможно было купить в магазинах без боль-

шого блага, с переплатой. В библиотеках за ними выстраивались огромные очереди. Ну, и понятно, все дети мечтали стать космонавтами. Практически все заявили, что в своём „раньше” мечтали о будущем, хотели его увидеть и приблизить.

А вот желающих увидеть будущее в нашем „теперь” почти не нашлось. Их почти так же мало, как в прошлом было мечтателей о коммунизме – всего несколько человек среди всех опрошенных. В основном, это молодёжь, но есть и два случая среди взрослых. Основная масса опрошенных заявляет, что не хочет ничего знать о будущем ни в масштабах 50, ни 100, ни 500 лет. Многие пояснили свою позицию тем, что боятся будущего, не верят в будущее и не ждут от него ничего хорошего.

В этой связи хотелось бы вступить в полемику исследовательницей Татьяной А. Алексеевой, отметившей в своей статье *Время в культуре мира*, что в социалистической культуре „светлое будущее выступало оправданием бесцветного и довольно мрачного настоящего”³. Т. е., с её точки зрения, поголовная мечтательность о будущем признак того, что людям плохо жилось в настоящем. Позволим себе категорически не согласиться с такой трактовкой. Поясним, что сам вопрос о будущем был задан собеседникам не случайно. Автору статьи представляется, что прямой вопрос о том, было ли вам хорошо в вашем „раньше” совершенно бесперспективный по части объективности ответов. Кроме небольшой группы людей, крайне негативно настроенных по отношению к советскому прошлому, подавляющее большинство, конечно, ответило бы, что хорошо. Этот психологический феномен всем известен: и трава была зеленее, и вода мокрее. Совсем другое дело вопрос о мечтах о будущем. По мнению автора, человек мечтает о будущем и стремится к нему вовсе не от мрачности настоящего, а оттого, что он видит в этом настоящем те тенденции, потенции, предпосылки, на развитие которых в будущем рассчитывает, и они вселяют в него оптимизм. И наоборот, человек не хочет видеть будущее, когда наблюдает пугающие его потенции, и он боится, что они также разовьются. Таким образом, поголовные мечты о техническом прогрессе, о всесии человека в будущем говорят как раз о положительной, а никак не отрицательной оценке своего настоящего.

Характер данного исследования не предполагает каких-либо теоретических культурологических, философских обобщений и выводов по поводу написанного. Нашей целью было запечатлеть слепок ментальности определённой эпохи в определённой области, что и было сделано. Такие исследо-

³ Т.А. Алексеева, *Время в культуре мира*, „Вестник РУДН. Серия Философия” 2002, № 3, с. 46.

вания позволяют видеть выпуклую картину, не сводящуюся к официально-му описанию исторического развития.

Библиография

- Алексеева Т.А., *Время в культуре мира*, „Вестник РУДН. Серия Философия” 2002, № 3.
- Бобкова М.С., *История исторической мысли (Заметки о работе одного академического центра)*, „Средние века” 2012, № 73 (3-4).
- Гуревич А.Я., *Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства*, Москва 1990.
- Левинсон К.А., *Такая разная устная история*, [в:] *Одиссей: человек в истории. Scripta/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время*, Москва 2008.

Информация об Авторе

Татьяна Михайловна Руюткина (Tatiana M. Rujatkina) – кандидат исторических наук. Кафедра истории Казахстана и общественных дисциплин, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет.
e-mail: ruyatkina@list.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3175-3235>

Utrwalone w świadomości Rosjan wyobrażenia o istocie czasu, odzwierciedlone w ich dziełach artystycznych, w myśli filozoficznej i teologicznej, w praktykach społecznych, rytuałach, mitach, w przeświadczeniach o naturze codzienności, stanowią materiał dla refleksji podjętej przez autorów tomu *Czas w kulturze rosyjskiej. Время в русской культуре*.

Rosyjskie doświadczanie i konceptualizowanie czasu analizowane jest z perspektywy kulturoznawstwa, filozofii, literaturoznawstwa, filmoznawstwa, językoznawstwa, folklorystyki, politologii i historii.

Rozważania o swoistym dla Rosjan odczuwaniu czasu, myśleniu o nim i jego wyobrażeniach, przedstawione zostały w rozdziałach poświęconych następującym zagadnieniom: czas w języku – język w czasie; sakralne i mitologiczne rytmy czasu; konceptualizacje czasu w rosyjskiej myśli teologicznej i filozoficznej; kulturoznawcze i historyczne ujęcia czasu; czas jako aspekt życia społecznego; temporalne aspekty literackiego obrazu świata.

W niniejszym tomie swoimi refleksjami dzielą się badacze reprezentujący uniwersytety i centra badawcze z siedmiu krajów.

